

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.48>

Мартынова Елена Михайловна

[Просодические маркеры достижения коммуникантами эмоционального максимума в обстоятельствах аномальной коммуникации](#)

Целью настоящей статьи является анализ аудиальных маркеров аномальной коммуникации, актуальность исследования которой обусловлена необходимостью расширения знаний о видах коммуникативных аномалий, способах их распознавания и преодоления. Объектом изучения стали конфликтные коммуникативные ситуации, а предметом - такой просодический индикатор коммуникативного конфликта, как вербализованный крик. В результате исследования художественного дискурса получена новая информация об эмоциональных состояниях коммуникантов и их невербальной реакции на повышение собеседником голоса; выявлены гендерные особенности аномального аудиального поведения участников общения; установлена частотность встречаемости аудиальных метакоммуникативных показателей конфликтного общения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/48.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 231-235. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Дата поступления рукописи: 20.01.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.48>

Целью настоящей статьи является анализ аудиальных маркеров аномальной коммуникации, актуальность исследования которой обусловлена необходимостью расширения знаний о видах коммуникативных аномалий, способах их распознавания и преодоления. Объектом изучения стали конфликтные коммуникативные ситуации, а предметом – такой просодический индикатор коммуникативного конфликта, как вербализованный крик. В результате исследования художественного дискурса получена новая информация об эмоциональных состояниях коммуникантов и их невербальной реакции на повышение собеседником голоса; выявлены гендерные особенности аномального аудиального поведения участников общения; установлена частотность встречаемости аудиальных метакоммуникативных показателей конфликтного общения.

Ключевые слова и фразы: невербальная коммуникация; аномальная коммуникация; конфликтный дискурс; аудиальное поведение; аудиальный/просодический маркер/индикатор.

Мартынова Елена Михайловна, д. филол. н., доцент
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел
lm1973@mail.ru

Просодические маркеры достижения коммуникантами эмоционального максимума в обстоятельствах аномальной коммуникации

Известно, что невербальная коммуникация играет ведущую роль в передаче сообщений об истинных намерениях коммуникантов. При этом особую важность приобретает способность невербальных средств транслировать эмоциональное состояние собеседников. Такесические, проксемические, ольфакторные знаки сопровождают вербальный контент диалогического взаимодействия, уточняя, усиливая или противореча ему [3]. Изучение невербальной составляющей продолжает оставаться **актуальным**, поскольку, распространяясь по многочисленным каналам, невербальные символы формируют правдивый образ адресанта, что имеет большое значение в эпоху фейковых имиджей и новостей. Маркеры, передающиеся по аудиальному каналу связи, указывают как на физические особенности голоса и артикуляции участника диалога, так и на его эмоциональный статус.

Объектом исследования служат аномальные коммуникативные ситуации, характеризующиеся целым набором свойств, в том числе аудиальных. Изучение такого негативного изменения в просодическом элементе аудиальной коммуникации, как вербализованный крик, свидетельствующего об отклонении от комфортного эмоционального фона диалогического взаимодействия, определяет **цель** выполняемого исследования. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**: установить эмоциональные состояния коммуникантов, задействованных в конфликтном общении; сформировать массив фрагментов художественных произведений, содержащих аудиальные репрезентанты коммуникативного конфликта, и в ходе его обработки выявить метаязыковые дескрипции и гендерные особенности аномального аудиального поведения участников диалогической интеракции.

Научная новизна предпринятого исследования состоит в системном описании конфликтных ситуаций, маркером которых выступает вербализованный крик, с учетом эмоционального фактора, гендерного аспекта и метаязыковой репрезентации. Результаты исследования могут найти **практическое применение** при подготовке лекционных курсов и пособий по культуре речи, прагматике, семантике, психо- и социолингвистике, теории коммуникации.

В процессе исследования использовались описательный и лингвостатистический **методы**, а также методы дискурсивной выборки, контекстологического и дефиниционного анализа.

Крайней точкой на шкале конфликтного общения является неприкрытая враждебность в поведении, репрезентирующая форму антисоциальной коммуникации. Г. Марголин, Б. Бурман и Р. Джон выявили несколько видов невербального поведения, связанных с неприкрытой враждебностью, включая выражение неодобрения и гнев посредством таких голосовых инструментов, как крик или повышение тона. Агрессивный гнев (aggressive anger) выражается холодными, неодобрительными, пристальными взглядами, хлопанием дверями, криками, пронзительными воплями и гневными лицевыми манифестациями [18].

Тем не менее следует отметить, что в определенных коммуникативных ситуациях некоторые типы поведения могут иметь амбигуэнтные значения. Например, крику на собеседника обычно приписывают отрицательную валентность, а улыбке – положительную. Но за пределами конфликтных обстоятельств интеракции крик зачастую имеет позитивную валентность (ср. крик-предупреждение об опасности), а улыбка – отрицательную (ср. выражение снисхождения, холодной вежливости) [22, p. 96].

Криком обычно называют повышение тона голоса, соответствующее по уровню интенсивности форте и фортиссимо, но, как отмечает Ф. Пойятос, крик в качестве феномена коммуникации обладает гораздо большим количеством акустических и визуальных характеристик [20, p. 96].

Ф. Пойятос относит крик к «базовому поведению в его бессловесной форме». По мнению исследователя, крик – это по большей части контролируемое поведение, за исключением ситуаций внезапной тревоги, испуга, вспышки гнева и т.д. Он делит проявления крика на словесные и бессловесные формы и утверждает,

что примеров произвольного невербализованного крика гораздо больше, чем неконтролируемого вербализованного крика [Ibidem, p. 97].

Крик, вербализованный и невербализованный, символизирует эмоциональный максимум конфликтного взаимодействия. В настоящей статье не рассматриваются ситуации, когда повышенный тон, громкость являются особенностями, присущими коммуникативному поведению участника общения по физиологическим и социальным причинам: природный громкий голос, глухота, индивидуальная манера речи (пример 1).

(1) «– Я же велел вам навести порядок! – **закричал** дядя Володя.

– Мы убрали! – **закричала в ответ** Лариса.

Алла потом привыкла, что в этом доме все не разговаривали, а **кричали**» [8].

Труды отечественных и зарубежных ученых посвящены разнообразным аспектам феномена крика. Например, исследуя романтические отношения, Дж. Ханикатт и Дж. Кантрилл [16, p. 139] фокусируют внимание на прямых и не прямых стратегиях их разрыва. К первым относится обвиняющая стратегия с использованием интенциональных криков и воплей. Именуя неязыковые выкрики вокальными жестами, И. А. Шаронов занимается изучением такого их вида, как крики воодушевления и самовоодушевления [10]. А. Галинский называет эффектом усиления власти (power amplification effect) ситуацию, когда слова адресанта, обладающего властью, усиливаются для адресата, который обладает меньшей властью. Исследователь считает, что неравенство в отношениях усиливает три вида коммуникации: прямую коммуникацию, молчание и двусмысленность [15]. Можно сделать вывод, что воздействие крика в подобных обстоятельствах также амплифицируется.

Роль крика в коммуникации оценивается специалистами по-разному. А. Д. Браун указывает на то, что социум оправдывает использование крика в следующих ситуациях: 1) воспитание детей родителями; 2) воздействие учителей, тренеров и других инструкторов на обучающихся; 3) замечания, внушения со стороны работодателя с целью коррекции поведения работника; 4) привлечение внимания; 5) самоутверждение за счет другого; 6) побуждение [13]. А журналистка газеты “The New Yorker” А. Петрусич приводит в своей статье мнение автора теории первичного крика, американского психолога и психотерапевта Артура Янова, который считал, что крик может избавить человека от детских травм и тяжелых воспоминаний. Однако в настоящее время существуют медицинские доказательства того, что крик негативно влияет на нервную систему, запуская в организме воспалительные процессы [19]. Психотерапевт Дж. Хатт также указывает на негативный эффект крика и утверждает, что его использование в отношении детей, прежде всего, учит их, как кричать, когда кричать, а также тому, что крик – это эффективная реакция на эмоционально заряженные ситуации. Кроме того, крик вызывает в детях страх, а также свидетельствует о беспомощности кричащего [17]. Однако целенаправленное применение крика для полноценной передачи эмоций в ряде случаев оправданно. В интервью, посвященном премьере рок-оперы А. Рагулина «Братья Карамазовы», российская актриса Екатерина Гусева признается, что ей приходится даже не петь, а «орать», чтобы передать надрыв и экстремальную эмоциональность. По ее словам, «пение – это правильно организованный крик» [Цит. по: 9].

Научный интерес вызывают исследования, посвященные изучению гендерного аспекта использования крика в коммуникации. Анализируя процессы, происходящие на современном этапе в американской политике, А. Петрусич оценивает реакцию молодых американцев на некорректное поведение сенатора Джейка Кормана и его клики в отношении сенатора Кэти Муг и отмечает нарастающую тенденцию рассматривать крик как оскорбительное и старомодное проявление «токсичной маскулинности» (направление в психологии и гендерных исследованиях, представители которого изучают типы мужского поведения, наносящего вред социуму), а не как индикатор власти и доминирования [19].

В процессе анализа текстов, составляющих Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [4], было выявлено, что аномальные коммуникативные ситуации сопряжены с возникновением у коммуникантов следующих отрицательных эмоциональных состояний, отражающихся в повышении тона голоса:

1) страх, испуг, паника (*закричала пронзительно, страшно, дурным голосом, нечеловеческим голосом, не своим голосом, истошным голосом, трагическим высоким голосом, в голос, надрывно, истерично, от ужаса и т.д.*);

2) гнев, злоба (сопровождается метакоммуникативными дескрипциями *в злобе, со злобой, в ярости, рассердившись, сердито, гневно, дико, диким голосом, в сердцах, закричала и этот крик был рычанием* и т.п.);

3) возмущение (пример 2). Возмущенный крик может достигать по интенсивности гневный крик, но его спад происходит быстрее.

(2) «Фойе было уже пустым. Конечно же, он опоздал.

– Куда вы с этим? – закричала билетерша в дверях. – И портфель тоже!» [7].

Описание аномального аудиального поведения коммуниканта усиливается другими невербальными знаками некооперативного общения:

1) кинесическими репрезентантами (мимика, жесты): *вытучил(-а), вытаращил(-а), выкатил(-а) глаза, уставился бешеными глазами, вскочил, подпрыгнул, сжал кулаки, размахивал руками, брызгая слюной, набылчился, грохнул кулаком по столу, замахнулся столом, набросился, дрожа от злобы, затрясся, губы перекосились, лицо покривилось, затопала ногами;*

2) вокализацией: *заплакал(-а);*

3) проксемическими репрезентантами – дескрипциями, указывающими на нарушение личных границ собеседника: *подошла вплотную, придвинулся, закричал прямо в лицо;*

4) такесическими индикаторами – агрессивными прикосновениями. К этой категории относятся пинки, тумачи, щипки, удары, толчки;

5) вегетативными реакциями (покраснение, побледнение): *побагровел, налился кровью, пунцовая* и т.д.

Вербальная составляющая конфликтного коммуникативного акта характеризуется своими особенностями. Так, крик часто сопровождается использованием 1) обценной лексики, оскорбительных и уничижительных выражений (ср. *наркоманка поганая, чертова перечница, дубина непонятливая* и т.д.); 2) заявлений типа: *я тебя убью/прибью*.

Анализ стратегий коммуникативного поведения участников диалогического общения в процессе аномальной коммуникации позволил выделить следующие реакции адресата на повышение адресантом голоса: 1) адресат не отдает себе отчета и тоже автоматически переходит на крик, разговор превращается в скандал; 2) адресат контролирует свое эмоциональное состояние, чутко реагирует на повышение собеседником тона и указывает ему/ей на это; 3) адресат позволяет собеседнику кричать в силу разных причин (отношений начальник – подчиненный, родитель – ребенок, сильный – слабый, правый – виноватый и признающий свою вину и др.) и испытывает коммуникативный дискомфорт или внутренний коммуникативный конфликт, которые нередко выражаются молчанием несогласия.

Среди метакоммуникативных дескрипций реакции собеседника на крик оппонента следует назвать: 1) кинесические репрезентанты – *вздрыгнула, напряглись, отскочил, попятился, бросилась прочь* и т.п.; 2) аудиальные сигналы (ответное повышение тона, молчание, вокализации) – *заорал в ответ, все притихли, умолкли, завизжала* и т.п.; 3) индикаторы эмоционального состояния – *стало страшно, вызывал раздражение, едва не грохнулась в обморок* и т.п.

Поскольку анализу подверглись только письменные тексты художественной литературы, в фокус исследования попали характерные для конфликтного дискурса знаки пунктуации. Необходимо отметить, что реплики персонажей художественных произведений, использующих в коммуникации крик, представлены исключительно восклицательными предложениями. Сочетание вопросительного и восклицательного знаков в конце прямой речи, характеризуемой метакоммуникативными репрезентантами *кричать, орать*, используется авторами для передачи возмущения и негодования героев повествования.

На современном этапе специфическое графическое оформление текстов для трансляции определенных эмоциональных состояний стало предметом исследований лингвистов, психологов, журналистов. Ученые изучают способы и средства композиции деловых электронных писем и частной переписки и указывают на социальные проблемы, в частности на гендерные различия в подходах к организации электронных посланий. В письменной речи крик можно заменить восклицательными знаками, прописными буквами на фоне строчных, подходящими символами эмодзи.

В 2005 г. Д. Андерсон в своей книге по грамматике подчеркивал, что восклицательный знак предназначен для выражения сильной боли, страха, изумления, злости, отвращения и крика и рекомендовал не злоупотреблять им [11, р. 149]. А сегодня журналистка Д. Бек отмечает эпидемию восклицательных знаков в электронной бизнес-почте, не говоря уже об обычных письмах. По ее свидетельству, восклицательный знак утратил свою силу и превратился в символ вежливости и дружелюбия, энтузиазма и радости. Он придает письмам человечность [12]. Авторы прогнозируют в дальнейшем появление новых правил пунктуации.

Обобщив многочисленные исследования, касающиеся гендерных различий в стиле написания писем, А. Колли и З. Тодд отмечают тот факт, что письмам, составленным женщинами, свойственен более слабый язык, использование уклончивых выражений, потребность в одобрении (расчлененный вопрос – не так ли?, не правда ли?). В целом маскулинный дискурс характеризуется напористостью и духом состязательности, тогда как фемининный дискурс называют поддерживающим (supportive) и ориентированным на хорошие взаимоотношения [14, р. 380-381]. Женщины вынуждены чаще прибегать к использованию восклицательных знаков, чтобы казаться более дружелюбными, особенно по отношению к своим коллегам и начальникам-мужчинам [21].

До настоящего времени не предпринималось серьезных исследований русскоязычного дискурса электронных писем на предмет гендерных особенностей стилистики и графического оформления электронной почты и сообщений в соцсетях. Этот вопрос требует тщательного изучения. Предварительный просмотр ряда твитов и постов в пабликах «ВКонтакте» и «Facebook» позволяет утверждать, что представительницы женского пола декларируют свои эмоции в сети с помощью большего количества графических символов, чем мужчины. Отсутствие ожидаемого восклицательного знака в сетевом общении трактуется как некооперативное поведение, дефицит энтузиазма, недружелюбие и т.д.

Лингвистический анализ позволил выделить группу метаязыковых дескрипторов аномального аудиально-го поведения коммуникантов в процессе конфликтного коммуникативного контакта. Наиболее употребительными метакоммуникативными дескрипциями аудиального невербального поведения, используемыми авторами русскоязычных текстов в описании конфликтной коммуникации, оказались лексемы *кричать* и *орать*.

Если касающееся коммуникации значение лексемы *кричать* представлено в толковых словарях одинаково (ср. «бранить кого-н., говорить кому-н. с раздражением, в повышенном тоне» [2]; «говорить с кем-л. с раздражением, бранить кого-л.» [1]), то в интерпретации значения лексемы *орать* авторы не столь единодушны (ср. «кричать на кого-нибудь, бранясь, раздраженно выговаривать кому-нибудь» [5], «слишком громко говорить, разговаривать, спорить» [6]). Результаты анализа описаний аномальных коммуникативных ситуаций свидетельствуют о том, что использование крика и ора не ограничивается спорами, отражает негативные эмоциональные состояния коммуникантов (гнев, злоба, негодование и т.д.) и нередко сопровождается бранью.

С помощью метода лингвостатистического анализа нами была определена частотность появления в конфликтном дискурсе аудиальных репрезентантов *заорал* и *заорала*. Полученные результаты отражают общую картину сочетаемости этих дескрипций с другими невербальными маркерами коммуникативного конфликта.

Из 3000 текстов НКРЯ, в которых в том или ином контексте употреблена дескрипция *заорал*, были отобраны случаи, когда она становится одним из маркеров конфликтной ситуации. Количество таких фрагментов составило 1792. Уточнения и усиления, используемые авторами в сочетании с репрезентантом *заорал*, обозначают: 1) интенсивность крика: *благим матом (12), диким голосом (9), истошно (9), во всю глотку (8), дурным голосом (7), дико (4), во все горло (4), пронзительно (3), что есть мочи, трубно, нечеловеческим голосом, оглушительным голосом, не своим голосом, страшным голосом, вне себя, громоподобно, осатанело*; 2) испытываемую коммуникантом эмоцию: *в бешенстве (10), бешено (8), с ненавистью (7), яростно (5), злобно (4), свирепо (4), неистово (4), в ярости (3), отчаянно (2), разъяренно (2), испуганно, нервно, возмущенно, в отчаянии, надрывно, со злостью, угрожающе, истерично, гневно, страшно, со свирепостью, рассерженно, сварливо, раздраженно*; 3) сравнения: *как резаный (3), как оглашенный (3), как очумелый, как ошпаренный*.

Метакоммуникативный репрезентант *заорала* выступает индикатором конфликтной коммуникативной ситуации в 324 из 400 текстов НКРЯ, в 13 фрагментах встречается невербализованный ор. Группы уточнений и усиления те же, что и для дескрипции *заорал*: 1) интенсивность крика: *истошно (6), ужасно (5), дико (5), диким голосом (3), истошным голосом (3), некрасивым высоким голосом, не своим голосом, оглушительно, пронзительно, громогласно, во всю мочу, во все горло*; 2) испытываемая коммуникантом эмоция: *в бешенстве (2), свирепо, яростно, сердито, неистово, воинственно, истерически*; 3) сравнения: *как бешеная, как резаная, как истеричка, как белуга*.

Обращает на себя внимание тот факт, что для адресата и возможных слушателей крик адресанта во время коммуникации нередко становится неожиданностью. Об этом свидетельствуют репрезентанты *внезапно, вдруг, неожиданно*.

Как показывают данные, количество эпизодов, описывающих повышение голоса мужчинами, значительно превышает число аналогичных ситуаций, в которых субъектами, реализующими подобное аномальное речевое поведение, являются представительницы женского пола. Мужчина кричит, детерминируя свои силу и превосходство, а женщина кричит от бессилия. Мужчины чаще, чем женщины (~5:1), орут в позитивном эмоциональном состоянии: от радости и восторга, торжества или от осознания полноты жизни.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что отклонения в аудиальном поведении коммуникантов в процессе диалогической интеракции выступают важными манифестациями коммуникативных аномалий. Вербализованный крик порождают негативные эмоциональные состояния участников взаимодействия: гнев, злоба, негодование, возмущение, – которые становятся определяющими факторами в выработке собеседниками стратегий коммуникативного поведения. Анализ художественного дискурса показал, что наиболее частотными метаязыковыми репрезентантами аудиальных индикаторов коммуникативного конфликта являются лексемы *кричать* и *орать*. В процессе исследования были выделены три категории языковых единиц, уточняющих и усиливающих значения этих лексем. Они детерминируют интенсивность крика, указывают на испытываемую коммуникантом эмоцию и характеризуют крик с помощью такого стилистического приема, как сравнение. Кроме того, были выявлены особенности пунктуации, заменяющие интонационные акценты в письменной речи: восклицательные знаки, прописные буквы на фоне строчных, эмодиконы.

Дескрипции просодического маркера «крик» сопровождаются в художественных текстах метаязыковыми репрезентантами кинесических, проксемических, такесических знаков и вегетативных реакций. Гендерный анализ метакоммуникативного описания конфликтных ситуаций, характеризуемых использованием собеседниками вербализованного крика, продемонстрировал, что маскулинный дискурс в большей степени, чем фемининный, обнаруживает наличие аудиальных индикаторов достижения участником общения эмоционального максимума.

Список источников

1. **Кричать** [Электронный ресурс] // Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://www.efremova.info/word/krichat.html> (дата обращения: 23.02.2020).
2. **Кричать** [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=26043> (дата обращения: 08.01.2020).
3. **Мартынова Е. М.** Невербальный аспект аномальной коммуникации: дисс. ... д. филол. н. Орел, 2016. 407 с.
4. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.01.2020).
5. **Орать** [Электронный ресурс]. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=1164264> (дата обращения: 08.01.2020).
6. **Орать** [Электронный ресурс] // Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://www.efremova.info/word/orat.html> (дата обращения: 08.01.2020).
7. **Поздняков Б.** Ананасы [Электронный ресурс] // Сибирские огни. URL: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--plai/content/dva-rasskaza-8> (дата обращения: 14.01.2020).
8. **Трауб М.** Нам выходить на следующей [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/248107-nam-vyhodit-nasleduyushey.html> (дата обращения: 14.01.2020).
9. **Чурикова П.** Пение – это хорошо организованный крик [Электронный ресурс] // Профиль. 2019. 17 марта. URL: <https://profile.ru/culture/theater/penie-eto-xoroshho-organizovannuy-krik-133107/> (дата обращения: 09.01.2020).
10. **Шаронов И. А.** О социализации криков воодушевления // Ритуал в языке и коммуникации: сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: Знак; РГГУ, 2013. С. 95-103.
11. **Anderson J.** Mechanically Inclined: Building Grammar, Usage, and Style into Writer's Workshop. Portland, Maine: Stenhouse Publishers, 2005. 200 p.
12. **Beck J.** Read This Article!!! [Электронный ресурс] // The Atlantic. 2018. June 27. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/06/exclamation-point-inflation/563774/> (дата обращения: 10.01.2020).
13. **Brown A. D.** Please Yell at Me [Электронный ресурс] // Psychology Today. 2017. April 21. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/towards-recovery/201704/please-yell-me> (дата обращения: 08.01.2020).

14. Colley A., Todd Z. Gender-linked Differences in the Style and Content of E-mails to Friends // Journal of Language and Social Psychology. 2002. Vol. 21. № 4. P. 380-392.
15. Galinsky A. When You're in Charge, Your Whisper May Feel Like a Shout [Электронный ресурс] // The New York Times. 2015. August 15. URL: <https://www.nytimes.com/2015/08/16/jobs/when-youre-in-charge-your-whisper-may-feel-like-a-shout.html> (дата обращения: 06.01.2020).
16. Honeycutt J. M., Cantrill J. G. Cognition, Communication, and Romantic Relationships. N. Y. – L.: Routledge, 2014. 224 p.
17. Hutt J. When Yelling Is a Pattern [Электронный ресурс] // Good Therapy. 2008. October 6. URL: <https://www.goodtherapy.org/blog/yelling/> (дата обращения: 06.01.2020).
18. Margolin G., Burman B., John R. S. Home observations of marital couples reenacting naturalistic conflicts // Behavioral Assessment. 1989. Vol. 11. P. 101-118.
19. Petrusich A. The Decline of Yelling [Электронный ресурс] // The New Yorker. 2019. July 31. URL: <https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/the-decline-of-yelling?verso=true> (дата обращения: 06.01.2020).
20. Poyatos F. Nonverbal Communication across Disciplines: in 3 vols. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2002. Vol. II. Paralanguage, kinesics, silence, personal and environmental interaction. 456 p.
21. Tait A. "Sorry for Bothering You!": The Emotional Labour of Female Emails [Электронный ресурс] // New Statesman. 2017. July 3. URL: <https://www.newstatesman.com/science-tech/internet/2017/07/sorry-bothering-you-emotional-labour-female-emails> (дата обращения: 06.01.2020).
22. **The Handbook of Communication Science** / ed. by C. R. Berger, M. E. Roloff, D. R. Roskos-Ewoldsen. Thousand Oaks: SAGE, 2010. 583 p.

Prosodic Markers of Communicants' Maximum Emotional Level under Conditions of Abnormal Communication

Martynova Elena Mikhailovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Academy of Federal Security Guard Service of the Russian Federation, Orel
lm1973@mail.ru

The article aims to analyse prosodic markers of abnormal communication. Relevance of the paper is conditioned by the necessity to study communicative anomalies so as to be able to detect and overcome them. Objects of the research are conflict communicative situations; the author's attention is focused on such a prosodic indicator of communicative conflict as verbalized cry. The analysis of fiction discourse has revealed new information about communicants' emotional states and their non-verbal response to the interlocutor's raising tone. Gender peculiarities of communicants' abnormal prosodic behaviour are identified; frequency of prosodic meta-communicative markers of conflict communication is determined.

Key words and phrases: non-verbal communication; abnormal communication; conflict discourse; audial behaviour; audial/prosodic marker/indicator.

УДК 81.37; 81.42

Дата поступления рукописи: 15.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.49>

Статья посвящена изучению интертекстуальных единиц поэтического текста. Актуальность исследования заключается в том, что в подходах лингвопоэтического анализа отсутствуют формальные критерии выделения немаркированных интертекстуальных единиц. Цель работы – выявить эти критерии. Новизна обусловлена полученными результатами исследования, а именно разработанными общими (повторяемость, узнаваемость, автографичность/аллографичность) и частными (отсутствие контекст-партнера, конъюнкция контекстных значений, энигматичность) критериями выделения немаркированных интертекстуальных единиц.

Ключевые слова и фразы: автографичность; интертекстуальность; немаркированная интертекстуальная единица; имплицитный контекст; полиинтерпретативность; поэтический текст; энигматичность.

Сергодеев Илья Витальевич, к. филол. н.

*Снежинский физико-технический институт –
филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»
moon_stone@mail.ru*

Критерии выделения немаркированной интертекстуальной единицы из поэтического текста (на материале англоязычной поэзии)

На сегодняшний день не существует четких критериев выделения немаркированных интертекстуальных единиц (далее – ИТ-единиц) из поэтического текста. Под немаркированными ИТ-единицами понимаются текстовые единицы, которые не выделены автором графически (прописной буквой, курсивом, кавычками и т.д.). В связи с этим немаркированную ИТ-единицу можно охарактеризовать как неузнаваемый или трудно узнаваемый тип реминисценции.